

А.В. Сафронов

**КОМИЧЕСКОЕ В КНИГЕ О НАРОДНОЙ ТРАГЕДИИ
(ПАРОДИЙНАЯ ГЛАВА
В «АРХИПЕЛАГЕ ГУЛАГ» А. СОЛЖЕНИЦЫНА)**

Статья посвящена жанру пародии в творчестве А.И. Солженицына. Анализ главы 19 третьей части «Архипелага ГУЛАГ» позволяет выявить взгляды автора на жанр пародии, создать представление об особенностях поэтики книги о судьбе России XX века, о приемах создания трагически-гротескного образа архипелага и населяющих его «туземцев».

Солженицын А.И., «Архипелаг ГУЛАГ», пародия, бурлеск, русская литература XX века.

Александр Солженицын, согласно давно устоявшемуся общепринятому мнению, «суровый» писатель и трагизм его судьбы и судеб его героев, трагический путь России, отображенный в его книгах, не располагают к широкому использованию средств комического. Но это не означает, что писателю недоступны сатира, юмор, сарказм, ирония. Ж. Нива отмечает: «Каждое произведение Солженицына – неистовый взрыв смеха; память и смех (гневный, священный, убийственный) формирует поток действительности, той самой действительности, которая молит писателя взять на себя заботу о ней»¹.

Не чужд Солженицын и почтенного древнего жанра пародии. Л.И. Сараскина пишет со слов самого писателя о сочиненной им в 1938 году, еще будучи студентом, пародии на Игоря Северянина: «А искусная стихотворная пародия, написанная в 1938-м по следам книг Северянина! Это была школа словесности – двадцатилетний поэт изучал тонкости лиры Бальмонта путем пародийного перепева, осваивал технику *новости*, составляя собственные иронические конструкции, все эти *звукозвоны, сердцестопки, розогрезы, прозопозы...* Эстетов, сочиняющих «для звонкости», называл «гастрономами»: «Лексиконами гигантскими / Подавили вы язык, / Ананасами, шампанскими / Создавали стихошик»². Более известный читателям и исследователям пример – сцена «суда» заключенных в Марфинской «шарашке» над князем Игорем («В круге первом», глава 55). Организатор «процесса» Лев Рубин незадолго до этого сочинил пародию на «Ворону и лисицу» И.А. Крылова: «В прошлый воскресный вечер, веселя публику, Рубин экспромтом сочинил пародию на крыловскую «Ворону и лисицу», полную лагерных терминов и невозможных для женского уха оборотов, за что его пять раз вызывали «на бис» и качали, а в понедельник вызвал майор Мышин и допраши-

¹ Нива Ж. Солженицын. М., 1992. С. 136.

² Сараскина Л.И. Александр Солженицын. М., 2009. С. 166.

вал о развращении нравственности; по этому поводу отобрано было несколько свидетельских показаний, а от Рубина – подлинник басни и объяснительная записка»³. Сам Солженицын и его творчество явились объектом пародий В. Войновича «Москва 2042», С. Лившина «200 лет нам жизни нет», Вл. Сорокина «Dostoewski-y-trip», А. Плущера-Сарно «Растопыря, или Необходимая баба», П. Бойчевского «Один день Асфальта Тротуаровича».

Применяется пародия как прием и в художественно-документальной эпопее «Архипелаг ГУЛАГ», в частности в главе 19 части третьей «Зэки как нация (этнографический очерк Фан Фаныча)». Ж. Нива считает, что исследование нации зэков – «пародия на антропологический трактат, где автор симулирует объективность и беспристрастность какого-нибудь Палласа или Линнея»⁴. В то же время А.М. Ранчин утверждает, что вся книга «Архипелаг ГУЛАГ» оказывается пародией на советскую героическую эпоху: «Книга подается автором читателю как большой эпос нового, советского времени, описывающий не менее «грандиозные», чем Гомер, события – сорокалетнее истребление властью собственного народа, превращение миллионов людей в горстку праха. Антикизирующие черты, стремление к эпическому величию отличали советскую культуру по крайней мере с начала 1930-х по середину 1950-х годов. «Архипелаг ГУЛаг» в этом контексте оказывается огромной пародией на советскую героическую эпическую поэму»⁵.

В главе «Зэки как нация» в качестве объекта пародии выступают научные статьи советского периода на общественно-политические темы, статьи, насквозь пронизанные идеологией, игнорирующие любые факты, противоречащие «единоначально верному учению», статьи, оторванные от реальной жизни, переполненные ссылками на труды классиков марксизма-ленинизма.

Солженицын пародирует жанр, композицию, приемы якобы научных докладов и стиль официальной науки: речевые штампы, терминологию, убогость языка советской эпохи.

Автор создает пародийный *образ псевдоученого*, типичного «образованца», если воспользоваться определением, данным им интеллигенту советской формации. Этот персонаж изучает «племя зэков» в условиях его естественного существования: «Автор этих строк, влекомый загадочностью туземного племени, населяющего Архипелаг, предпринял туда длительную научную командировку и собрал обильный материал»⁶.

В самом начале статьи Фан Фаныч (этим именем на Архипелаге называют интеллигентов), как положено, заявляет о своей идейной лояльности: «При развитии своей гипотезы мы бы никак не хотели прийти в противоречие с Передовым Учением»⁷. Он цитирует определение нации, данное товарищем Сталиным⁸, де-

³ Солженицын А.И. В круге первом : роман. М., 1990. С. 396.

⁴ Там же. С. 105.

⁵ Ранчин А.М. «Архипелаг ГУЛаг» как художественный текст: некоторые наблюдения // СЛОВО. Православный образовательный портал. URL : <http://www.portal-slovo.ru/philology/40042.php>.

⁶ Солженицын, А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Опыт художественного исследования. М., 1990. Т. 2. Ч. 3–4. С. 461.

⁷ Там же.

лает теоретическое обоснование своей гипотезы, углубляясь в «историю вопроса», рассказывает о происхождении термина «зэки»⁹. Он не ищет в науке легких путей, не гонится за сенсациями, но берется без труда доказать, что зэки составляют отдельный класс общества, даже иной биологический тип. Он демонстрирует свободное владение научным стилем: «В дальнейшем изложении мы и постараемся черта за чертою оглядеть комплексно то, что есть народный характер, жизненная психология и нормативная этика нации зэков»¹⁰. Он убежденный атеист: «Вред всякой религии давно доказан...»¹¹. Без ложной скромности в заключение он заявляет: «Автор же полагает, что настоящее исследование удалось, гипотеза вполне доказана; открыта в середине XX века совершенно новая, никому не известная нация, этническим объемом во много миллионов человек»¹².

Солженицын позволяет Фан Фанычу сделать верные, точные наблюдения, но совершенно лишает его умения делать адекватные выводы. Этим создается сильный комический эффект: «Закон – тайга, вот как он (зэк) формулирует высший императив человеческих отношений. (На островах Архипелага и действительно большие массивы тайги)»¹³. Отметив в языке зэков наличие выражения «Пусть медведь работает!», персонаж совершенно искренне удивляется: «Ну как, серьезно говоря, можно представить себе медведя, прокладывающего великий канал? Вопрос о медвежьей работе был достаточно освещен еще в трудах И.А. Крылова. Если была бы малейшая возможность запрячь медведей в целенаправленную работу – не сомневайтесь, что это было бы сделано в социалистическом государстве, и были бы целые медвежьи бригады и медвежьи лагпункты»¹⁴. В выражении «не суй носа в чужой котелок» он склонен видеть «принцип негативной свободы»¹⁵.

Снижается (травестируется) образ псевдоученого и в легенде о некоем профессоре-этнографе, который в своем труде сделал вывод, что «арестант – ленив, обжорлив и хитер». Но, оказавшись сам на Архипелаге, «потолкавшись на пересылках и дойдя на общих, профессор понял свою ошибку, он понял, что на самом деле арестант – звонкий, тонкий и прозрачный»¹⁶.

Снижению *образа власти* служит рассуждение об отношении зэка к своему начальству: «зэк совершенно презирает свое начальство – и лагерное и производственное, но прикровенно, не выказывая этого, чтобы не пострадать... Мужик не любил барина, посмеивался над ним, но привык чувствовать в нем нечто высшее, отчего бывали во множестве Савельичи и Фирсы, преданные рабы. Вот с этим душевным рабством раз и навсегда покончено. И среди десятка

⁸ Там же. С. 463.

⁹ Там же. С. 465–466.

¹⁰ Там же. С. 469.

¹¹ Там же. С. 483.

¹² Там же. С. 491.

¹³ Там же. С. 477.

¹⁴ Солженицын, А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Опыт художественного исследования. С. 491.

¹⁵ Там же. С. 478.

¹⁶ Там же. С. 469.

миллионов зэков нельзя представить себе ни одного, который бы искренно обожал своего начальника»¹⁷.

Антитезой сниженным образам псевдоученого и лагерного начальства предстает *образ туземца*, того самого, который стал объектом исследования «образованца». Этот коллективный герой вызывает сострадание и уважение. «Исследователь» перечисляет как положительные стороны «народного характера», так и некоторые «народные слабости»¹⁸. К положительным качествам отнесены гибкость поведения, жизненный напор, изворотливость, скрытность, круговая недоверчивость, душевная уравновешенность, настроенность на худшее, фатализм, жизнелюбие, удовлетворение жизнью; к отрицательным – легковерие, вера в амнистию, тайная жажда справедливости, любовь рассказывать о прошлом, перерывы в логическом мышлении. Нетрудно заметить, что деление качеств на положительные и отрицательные в соответствии с жанром пародии нелогично, абсурдно: с одной стороны, например, скрытность и недоверчивость похвальны, с другой – серьезным недостатком Фан Фаныч признает жажду справедливости.

Своеобразно возвышают «народ зэков» и развернутые бурлескные сравнения в обрисовке черт его характера и образа жизни: «Пожалуй, даже парадный ход гвардейцев точно в ногу, в сияющей форме и с оружием, не производит на зрителя такого устрашающего впечатления, как вечерний вход в столовую бригады зэков за баландою: эти бритые головы, шапки-нашлепки, лохмотья связаны веревочками, лица злые, кривые (откуда у них на баланде эти жилы и силы?), – и двадцатью пятью парами ботинок, чуней и лаптей – туп-туп, туп-туп, отдай пайку, начальничек!»¹⁹.

В большинстве произведений «каторжной» и «лагерной прозы» автобиографический образ автора-рассказчика предстает перед читателем цельным, слитным, неразделимым²⁰. Несколько иная картина в «Архипелаге ГУЛАГ»: *герой*, капитан Солженицын, арестованный в феврале 1945 года, проходит по всем кругам гулаговского ада, *писатель* Солженицын рассказывает об этом, комментирует воспоминания других героев, оценивает с позиций жизненного опыта факты из истории Архипелага, из истории страны, из собственной биографии, предстывая перед читателем в облике историка, публициста, социального психолога.

Подобное «раздвоение» происходит и в рамках главы «Зэки как нация». В рассказе о «народном характере» из-под маски Фан Фаныча периодически выглядывает серьезное, скорбное лицо автора. Появляются несвойственные псевдоученому оценочные эпитеты: «живое ухо смысленных туземцев»²¹, «твердый

¹⁷ Там же. С. 472.

¹⁸ Там же. С. 482.

¹⁹ Солженицын, А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Опыт художественного исследования. С. 473–474.

²⁰ См. об этом подробнее : Сафронов А.В. Виноватые, отверженные, несчастные: проблемы преступления и наказания в русской художественной документалистике конца XIX – начала XX века : моногр / РГПУ. Рязань, 2001. 124 с.

²¹ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Опыт художественного исследования. С. 465.

жестокий сын ГУЛАГа»²², «суровая душа зэка, бестрепетная к своей судьбе и безжалостная к судьбам чужим»²³.

Гротесковая фраза о том, что народ зэков пополняется не обычным способом деторождения, а «техническим способом посадки», оттеняется печальной антитезой, в которой также явственно присутствует авторская интонация: «Но если даже возникает какое-то сомнение в том, как зэки начинают существование, то в том, как они его **прекращают**, сомненья быть не может. Они умирают, как и все, только гораздо гуще и преждевременней. И похоронный обряд их мрачен, скуп и жесток»²⁴. Данные примеры позволяют согласиться с В.А. Чалмаевым, который считает, что «Архипелаг ГУЛАГ» «то и дело напоминает... спектакль, во время которого (а отнюдь не после!) автор выходит на сцену и... досказывает многое за актеров»²⁵.

Достаточно много написано об особенностях языка Солженицына (Ж. Нива, В.А. Чалмаев, П.Г. Паламарчук, Т.В. Телицына). Применительно к теме нашего исследования хотелось бы обратить внимание на большую насыщенность главы «Зэки как нация» поговорками и пословицами.

У зэков, отмечает Фан Фаныч, «есть и свой фольклор, и свои образы героев. Наконец, тесно объединяет их еще один уголок культуры, который уже неразрывно сливается с языком и который мы лишь приблизительно можем описать бледным термином *матерщина* (от латинского *mater*)... Язык туземцев Архипелага без особого изучения так же непонятен постороннему, как и всякий иностранный язык. (Ну, например, может ли читатель понять такие выражения, как:

- сблочивай лепе`нь!
- я еще клы`каю;
- дать набой (о чем);
- лепить от фонаря;
- петушок к петушку, раковые шейки в сторону!?)

Все сказанное и разрешает нам смело утверждать, что туземное состояние на Архипелаге есть особое национальное состояние, в котором гаснет прежняя национальная принадлежность человека»²⁶.

Автор в исследуемой главе сталкивает между собой слова и идиомы из языка зэков («ночь для сна, а день для отдыха», «тянуть резину», «на зэка где сядешь, там и слезешь») и пословицы из словаря В.И. Даля («господской работы не переделаешь», «ретивая лошадка недолго живет»). Такое совпадение вызывает у исследователя «вихрь мыслей: теория заимствования? теория странствующих сюжетов? мифологическая школа?»²⁷. Герой искренне удивлен: «Что ж это получается? Что через все светлые рубежи наших освободительных реформ, просветительства, революций и социализма, екатерининский крепостной мужик

²² Там же. С. 479.

²³ Там же. С. 480.

²⁴ Там же. С. 465.

²⁵ Чалмаев В.А. Александр Солженицын. Жизнь и творчество. М., 1994. С. 155.

²⁶ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Опыт художественного исследования. С. 464.

²⁷ Там же. С. 471.

и сталинский зэк, несмотря на полное несходство своего социального положения, – пожимают друг другу черные корявые руки?.. Этого не может быть!»²⁸.

Давая характеристику туземцам, Солженицын на протяжении всей главы в первую очередь опирается на пословицы, поговорки, идиомы, бытующие на Архипелаге. Тем не менее, согласно традиции научных трудов и вузовских учебников советского периода, в конце «исследования» Фан Фаныч обращается к языку зэков. Он указывает на четыре специфические трудности, мешающие изучению этой проблемы: «агломератное соединение языка с руганью», «необходимость разграничить собственно язык народа зэков от языка племени каннибалов» (блатных), необходимость разделить теперь язык русский и язык зэческий» и «доисторическое влияние самого русского языка на язык зэков и даже на язык каннибалов»²⁹. Здесь Фан Фаныч предстает в образе антипода самого Солженицына, который, как известно, проблемам языка уделял достаточно много внимания.

Солженицын использует и другие, традиционные для жанра приемы, например, каламбур: зэки-атеисты высмеивают евангельский тезис «не судите, да не судимы будете», они считают, что судимость от этого не зависит»³⁰; «свое пребывание на Архипелаге они почему-то называют сиденьем, хотя сидеть-то им приходится меньше всего»³¹.

Мы можем сделать вывод об использовании Солженицыным в главе «Зэки как нация» практически всех основных приемов пародирования: иронии и иронического переосмысления, бурлескного возвышения низкого и трагестийного снижения высокого, оксюморона и каламбура. При этом пародийная глава никоим образом не выпадает ни идейно, ни стилистически из всего строя художественно-документального исследования о трагедии России, добавляя краски в трагически-гротескный образ Архипелага и населяющих его туземцев – зэков, каннибалов-блатных и лагерного начальства.

Выше мы указывали на то, что пародийный Фан Фаныч – это в полном смысле продукт советской эпохи. Солженицын разоблачает в нем психологию, образ мышления, мировоззрение интеллигента-обывателя, «образованца». Он едко и язвительно обрисовывает интеллектуальные «верхи», оторвавшиеся от реальной жизни и не пожелавшие увидеть очевидное – огромную часть народа, по воле преступной власти превращенную в «рабов», «туземцев» Архипелага ГУЛАГ.

Более того, точное цитирование сталинского определения нации и следование ему, почти буквальное, в изложении и обосновании «гипотезы» дает основание утверждать, что и в «отца народов», «корифея всех наук», точнее, в его все еще живой и могучий призрак направлено сатирическое острие писателя.

Вл. Новиков в «Книге о пародии» указывает на необходимость диалога пародии с ее объектом и свободного обмена эстетическими взглядами как необходимого условия бытования этого жанра³². На наш взгляд, А.И. Солженицын

²⁸ Там же. С. 471–472.

²⁹ Там же. С. 488–490.

³⁰ Там же. С. 482.

³¹ Там же. С. 487.

³² Новиков Вл.И. Книга о пародии. М., 1989. С. 476.

не просто сделал значительный вклад в развитие жанра пародии, но и предоставил серьезный и доныне актуальный материал для политического, эстетического и нравственного диалога.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нива, Ж. Солженицын [Текст]. – М. : Художественная литература, 1992. – 191 с.
2. Новиков, Вл.И. Книга о пародии [Текст]. – М. : Советский писатель, 1989. – 554 с.
3. Ранчин, А.М. «Архипелаг ГУЛаг» как художественный текст: некоторые наблюдения [Электронный ресурс]. – СЛОВО. Православный образовательный портал. URL : <http://www.portal-slovo.ru/philology/40042.php>
4. Сараскина, Л.И. Александр Солженицын [Текст]. – М. : Молодая гвардия, 2009. – 959 с. – (Серия «ЖЗЛ»)
5. Сафронов, А.В. Виноватые, отверженные, несчастные: проблемы преступления и наказания в русской художественной документалистике конца XIX – начала XX века [Текст] : моногр. / РГПУ. – Рязань, 2001. – 124 с.
6. Солженицын, А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Опыт художественного исследования [Текст]. – М. : Новый мир, 1990. – Т. 2. – Ч. 3–4.
7. Солженицын, А.И. В круге первом [Текст] : роман. – М. : Художественная литература, 1990. – 766 с.
8. Чалмаев, В.А. Александр Солженицын. Жизнь и творчество [Текст]. – М. : Просвещение, 1994. – 189 с.

A.V. Safronov

COMIC ELEMENTS IN THE BOOK ABOUT NATIONAL TRAGEDY (PARODICAL CHAPTER OF A.SOLZHENITSYN'S «THE GULAG ARCHIPELAGO»)

The paper focuses on parody as one of the devices A. Solzhenitsyn used in his book «The Gulag Archipelago». The analysis of part 3, chapter 19 shows Solzhenitsyn's views on this genre, revealing the devices the writer used to create the grotesque and tragic image of the archipelago and its 'natives'.

Solzhenitsyn A.I., «The Gulag Archipelago», parody, burlesque, Russian literature of the 20th century.